

меркнетъ все прочее, и до него и послѣ него: не одно только твореніе и Страшный Судъ, мифологически выражающіе вѣчныя истины.

Но христіанскому читателю дорога исторія въ ея конкретной реальности. Въ Іоанновскихъ чудесахъ онъ цѣнитъ не только знаменія. Ему нуженъ самый фактъ, фактическая дѣйствительность. И онъ держится за эсхатологию, какъ нѣчто чаемое, но еще не достигнутое, какъ за послѣднее осмысленіе — въ Судѣ грядущемъ — той же исторіи и нашего участія въ ней. Своеобразный платонизмъ Додда этого не даетъ. Читатель закрываетъ книгу съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Онъ не до конца удовлетворенъ. И тѣмъ не менѣе, его разочарованіе не можетъ быть послѣднимъ словомъ. Какъ это часто бываетъ, значеніе замѣчательной книги Додда, ея дѣйствительно новое слово, не въ томъ, въ чемъ его видитъ авторъ: не въ его религиозной философіи, а въ его положительномъ вкладѣ въ Новозавѣтную науку.

Епископъ Кассіанъ.

3 декабря (20 ноября) 1953 г.
Парижъ.

SPICQ, C. L'Épître aux Hébreux. Etudes Bibliques. Paris. I. Introduction. 1952, стр. 4 б. н. + 417. II. Commentaire. 1953, стр. 4 б. н. + 459.

Цѣль настоящей краткой замѣтки обратить вниманіе читателей на новую выдающуюся работу заслуженнаго французскаго новозавѣтника. Первый томъ ея содержитъ пространное введеніе. Комментарій занимаетъ второй томъ. При этомъ, толкованіе отдѣльныхъ частей посланія предваряется частными введеніями, отмѣчающими характерныя особенности соотвѣствующихъ отрывковъ и подчеркивающими связь мыслей, и сопровождается учеными экскурсами (общимъ числомъ, одиннадцать), посвященными специальнымъ вопросамъ.

Въ области изученія Посланія къ Евреямъ⁽⁵⁾, трудъ о. Спика представляетъ собою послѣднее слово науки. Не будучи абсолютно исчерпывающею, приводимая имъ библиографія (т. I, стр. 379-411) является, по собственному его признанію, наиболѣе полною изъ существующихъ. Библиографическіе указатели читатель найдетъ и въ концѣ экскурсовъ. Это библиографическое оснащеніе выражаетъ глубокое знаніе предмета, присущее автору. Должное мѣсто отведено и критикѣ текста. Къ сожалѣнію, критическій аппаратъ выдѣленъ въ особую (XIV) главу Введенія и не внесенъ въ комментарий, что представляетъ, практически, нѣкоторое неудобство. Но по своей полнотѣ аппаратъ этотъ, учитывающій новѣйшія открытія, является тоже послѣднимъ словомъ науки. По-новому подошелъ авторъ и къ нѣкоторымъ критическимъ проблемамъ, возникающимъ въ связи съ изученіемъ Евр. Такова, напр., проблема его языка (Введеніе, гл. XII). вмѣстѣ съ большинствомъ изслѣдователей о. Спикъ считаетъ Евр. написаннымъ по-гречески, но отмѣчаетъ въ немъ и гебраизмы и думаетъ, что его составитель, по своей языковой культурѣ, былъ человѣкомъ двухъ языковъ. Что касается

литературной формы посланія, о. Спикъ считаетъ его составителя болѣе ораторомъ, чѣмъ писателемъ, но видитъ въ составленной имъ «гомилиі» (Введеніе, гл. I) и настоящее письмо. Особый интересъ представляетъ гл. III Введенія о «Филонизмѣ Евр.». О. Спикъ возвращается къ старому мнѣнію о влияніи Филона на Евр. убѣдительно его обосновываетъ и приходитъ къ заключенію, что составитель посланія могъ быть соотечественникомъ и ученикомъ Александрійскаго мыслителя: «un philonien converti au christianisme». Въ цѣломъ, и Введеніе и отдѣльные экскурсы т. II представляютъ собою цѣнные научныя изслѣдованія. Тонкія наблюденія разсѣяны и на протяжении всего комментарія.

Но, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, я хотѣлъ бы сразу же сказать, въ чемъ я съ авторомъ несогласенъ. Я совершенно раздѣляю его мнѣніе, котораго держатся и многіе современные ученые, объ исключительномъ значеніи Евр. Но я думаю, что оно составлено не въ 66-67 гг., а лѣтъ на пять раньше и оказало влияние на всю послѣдующую Новозавѣтную письменность. Мнѣ кажется, что о. Спикъ преуменьшаетъ (Введеніе, гл. V, § 1) точки соприкосновенія между Евр. и Первымъ Посланіемъ Петра и едва ли правъ, выводя основную для Евр. тему о священствѣ Христовомъ изъ Иоанновскаго богословія (Введеніе, гл. IV, особенно стр. 121 слл.; ср. его же статью «L'origine johannique de la conception du Christ-prêtre dans l'Épître aux Hébreux», въ сборникѣ «Aux sources de la Tradition Chrétienne. Mélanges offerts à M. Goguel». Neuchâtel — Paris, 1950). Мнѣ всегда казалось, что тема эта въ Новомъ Завѣтѣ была впервые поставлена съ исчерпывающей полнотсю въ Евр., а изъ этой темы вытекала мысль и о нашемъ спасеніи, какъ сослуженія Христу, Небесному Первосвященнику, въ Небесной Скинни (Евр. VI. 19-20). Эта послѣдняя концепція получила свое дальнѣйшее раскрытіе въ ученіи о всеобщемъ священствѣ I Петр. (ср. II, 5, 9), нашедшемъ отзвукъ и въ представленіи о всеобщемъ помазаніи I Ин. (I, 20, ср. 27). Сюда же относятся и образы Апокалипсиса (I, 6, V, 10 и др.). Пути исторіи идутъ, какъ мнѣ кажется, въ другомъ направленіи: не отъ Иоанна къ Евр., какъ думаетъ о. Спикъ, а отъ Евр. къ Петру и Иоанну.

Съ этимъ связанъ и вопросъ о составителѣ и объ адресатахъ посланія. Авторъ возвращается (Введеніе, гл. VII) къ старой догадкѣ Лютера, усвоенной и многими другими экзегетами, о составленіи посланія Аполлосомъ и обосновываетъ ее съ извѣстнымъ блескомъ. По свѣдѣніямъ Дѣян. XVIII, 24-28, Аполлосъ былъ іудей Александрійскаго происхожденія, ученый, ораторъ, библеистъ, защищавшій христіанство передъ іудеями. Все это относится и къ составителю Евр. и было указано уже давно. О. Спикъ отмѣчаетъ имя «Исусъ» въ устахъ Аполлоса (ст. 28) и въ Евр. (III, I, въ крит. формѣ текста, IV, 14, VI, 20 и др.), а равно и то подчиненное мѣсто, которое принадлежитъ въ богословіи Евр. ученію о Св. Духѣ. Послѣднее наблюденіе онъ сопоставляетъ съ сообщеніемъ Дѣян. XIX, 1-8 о Иоанновыхъ ученикахъ, несомнѣнно связанномъ въ планѣ Дѣяній съ отрывкомъ, посвященнымъ Аполлосу. Наблюденія эти очень интересны, но преданіе Церкви тѣмъ или инымъ образомъ сближало Евр. не съ Аполлосомъ, а съ Павломъ. Преданіе

это принимает и о. Спикъ, дѣлая Аполлоса ученикомъ и духовнымъ продолжителемъ ап. Павла. О. Спикъ съ полнымъ основаніемъ утверждаетъ печать геніальности, лежащую на Евр., и думаетъ, что его геніальный создатель не могъ юстаться незамѣченнымъ въ христіанскомъ обществѣ. Отсюда — его отождествленіе съ Аполлосомъ. Но этимъ геніемъ могъ быть и самъ ап. Павелъ не какъ писатель въ прямомъ смыслѣ, а какъ вдохновитель Евр. О. Спикъ полагаетъ, что, въ отличіе отъ теоцентрическаго міровоззрѣнія составителя Евр., міровоззрѣніе ап. Павла было христоцентрическое. Съ этимъ едва ли можно согласиться. Какъ я старался показать въ нѣсколькихъ статьяхъ⁽⁶⁾, въ міровоззрѣніи ап. Павла элементы христоцентрическіе сплетались съ элементами теоцентрическими, при явномъ преобладаніи послѣднихъ.

Адресатами Посланія были, по мнѣнію, ю. Спика (Введение, гл. VIII), Иерусалимскіе священники, обращенные Стефаномъ и эмигрировавшіе въ гоненіе, обрушившееся на Церковь послѣ его мученической смерти. Но объ этихъ священникахъ мы, кромѣ краткаго свидѣтельства о ихъ обращеніи (Дѣян. VI, 7), не знаемъ, въ сущности, ничего. Все, что предлагаетъ ю. Спикъ, есть его конструкція, аргументированная блестяще и, тѣмъ не менѣе, лишняя твердаго основанія. И старое мнѣніе, отождествляющее читателей Евр. съ Иерусалимскою Церковью, мнѣ кажется и по сей день наиболѣе вѣроятнымъ рѣшеніемъ вопроса объ адресатахъ Посланія. Много лѣтъ тому назадъ я сдѣлалъ попытку⁽⁷⁾ его обосновать, толкуя посланіе, какъ манифестъ Италійскихъ христіанъ (ср. XIII, 24) при участіи ап. Павла (ср. XIII, 19, 22-23), и понимая Посланіе Іакова, какъ Иерусалимскій отвѣтъ на этотъ манифестъ.

Но даже отвергая, въ этой его части, предлагаемое о. Спикомъ рѣшеніе проблемы Евр., я долженъ сознаться, что читаль гл. VII и VIII его Введения съ захватывающимъ интересомъ. Я сказалъ бы: какъ увлекательный романъ. Но это было бы мало и могло бы быть перетолковано въ нежелательномъ смыслѣ. Я былъ захваченъ филигранной работой автора, смѣлымъ размахомъ его творческаго научнаго воображенія и его даромъ пережить и для читателей оживить далекое прошлое, дать почувствовать его почти какъ настоящее. Отмѣчу, для примѣра, то, что онъ пишетъ о религіозномъ броженіи и о священническихъ кастахъ въ Малой Азій (ср. стр. 134 слл. и особенно прим. 7 на стр. 135). Но другое еще показательнѣе. Съ сужденіемъ о. Спика объ адресатахъ Посланія связано основное понятіе реконструируемаго имъ богословія Евр.: понятіе «странствующаго народа Божія (*le peuple de Dieu pérégrinant*). Но для современнаго читателя мысль автора отмѣняется такими опредѣленіями, какъ «émigrants», «apatrides», «exode», «communauté de personnes déplacées» (стр. 269, ср. еще прим. 1 на стр. 243), и т. д. Этими опредѣленіями пестритъ рецензируемая книга. Авторъ охваченъ волненіемъ и заражаетъ имъ читателя. Это рѣдкій даръ. Еще рѣже соединяется онъ, какъ въ работѣ о. Спика, съ глубокою ученостью. А приступая къ отвѣту на вопросъ о составителѣ Посланія (стр. 197), о. Спикъ откровенно признается, что за долгіе годы работы онъ съ нимъ сжился, вошелъ въ его психологію, уз-

наль его культуру, его вкусы и склонности, и что онъ «передъ нимъ живеть, какъ личность близко знакомая».

Построеніе о. Спика во всѣхъ его частяхъ отличается замѣчательнымъ единствомъ, и сужденіе его объ адресатахъ Посланія органически связано и съ реконструкціею его богословія и съ его толкованіемъ. Я разумью уже отмѣченное понятіе «странствующаго народа Божія». Но понятіе это было бы приложимо не только къ эмигрантамъ-священникамъ, но, въ еще большей мѣрѣ, къ Иерусалимской Иудеохристианской Церкви въ роковые годы передъ началомъ Иудейской войны. Оно имѣетъ и общехристианское значеніе. Слово Евр. XIII, 14 относится ко всѣмъ христіанамъ во всѣ вѣка историческаго бытія Церкви. И критика того положительнаго отвѣта, который даетъ о. Спикъ на вопросъ объ историческомъ происхожденіи Евр., не колеблеть основанія, на которомъ покоится его пониманіе богословія Евр. и его превосходный комментарий. Рецензируемая работа выражаетъ продуманное до мельчайшихъ частныхъ христіанское міровоззрѣніе, раскрытое на Евр., какъ органической части Новаго Завѣта.

Трудъ о. Спика вышелъ въ прославленной католической серіи «*Etudes Bibliques*». Раньше въ этой серіи вышли и завоевали ей неотъемлемое мѣсто въ экзегетической литературѣ работы Лагранжа, Жакве и Алло. Ея послѣднимъ украшеніемъ, во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, былъ комментарий того же о. Спика на Пастырскія Посланія. Рецензируемая работа не только достойна той серіи, въ которой она появилась. Смѣю думать, что, по своей значительности, она превосходитъ все то, что въ этой серіи вышло.

Епископъ Кассіанъ.

CULLMANN Oscar. Saint Pierre, disciple-apôtre-martyr. Histoire et Théologie. Bibliothèque Théologique publiée sous la direction de J.-J. von Allmen. Neuchâtel — Paris. 1952. 232 стр.

Новая книга проф. Кульмана, вышедшая почти одновременно въ изданіяхъ нѣмецкомъ и французскомъ и тотчасъ же переведенная и на англійскій языкъ, вызвала извѣстную сенсацію, какъ протестантская защита примата Петра. Съ особымъ сочувствіемъ она была принята Римско-католической критикою.

О защитѣ примата Петра въ рецензируемой работѣ можно говорить, конечно, только условно. Кульманъ признаетъ, что въ дни земного служенія Христова ап. Петръ былъ представителемъ учениковъ въ ихъ отношеніяхъ къ Учителю, и что онъ былъ главою Иерусалимской церкви въ первые годы ея исторіи, когда она составляла весь христіанскій міръ. Положеніе ап. Петра въ первоначальной церкви было связано съ тѣмъ, что онъ удостоился перваго явленія Воскресшаго Господа. Но, по мнѣнію Кульмана, ап. Петръ очень рано принялъ на себя руководство иудеохристианскою миссіею, добровольно подчинившись Іакову, который и былъ его преемникомъ по управленію Церковью. Классическій текстъ примата, Мф. XVI, 17-19, Кульманъ подвергаетъ тщательному анализу. Онъ считаетъ его подлиннымъ, но отно-